
Любовь МИХЕЕВА

РАССКАЗЫ

А ИСКРА ГДЕ?

Давно это было в наших краях. Каждую весну, как только реки освобождались ото льда, вверх по ним шли катера с баржами. Тянули грузы. Мужики спешили на ночные выгрузки, как мухи на мед летели, легких денег заработать. Но легкими ли они были? Скорее, быстрыми. Уже наутро грузчики получали заработок на руки. И деньги немалые, от двадцати рублей и выше. Где еще такое богатство найдешь? На основной работе назавтра можно было и вразвалочку потрудиться за гроши — то, что государство «отваливало» деревне.

В те же годы люди начали обзаводиться навесными лодочными моторами, такими, как «Стрела», «Москва». Появились и первые «Ветерки», прослужившие десятилетиями. Почту же доставляли в отдаленные уголки на амфибиях, а то и на аэросанях, что курсировали теперь по глухой тайге зимой и летом.

В один из теплых весенних деньков как раз и поджидали на пригорке у реки прихода амфибии. Кому не терпелось поскорее письмецо заветное в руки взять, давно ожидаемое, кому посылку. А большинство зевак приходило из любопытства еще раз взглянуть на крутые развороты диковинного речного скорохода. Привернула к кучке встречающих и Оля. Время есть, почему бы и не погреться на солнышке. Тем более что Танька тут была, подруга ее. Начальник почты, важная птица!

Не успела присесть, а Танька тут же и спросила:

- Не заходишь, не звонишь. Где пропадаешь?
- Ой, да дел найдется!
- Говорят, в артистки заделалась?
- Ну, согласилась разок выступить. При чем здесь артистка?

Вокруг зашумели:

- Не скромничай давай. Поешь ты хорошо.

Оля помолчала. Потом вдруг звонко заговорила:

- А не видали вы концерта сегодня прямо на берегу?
- Переглянулись в недоумении. О чем это она? А Оля дальше:
- Утром с девчонками здесь же вот идем...

И поведала она целую историю.

У берега стояла лодка, хозяева ее собрались куда-то. Манефа в носу уселась, а Егор мотор заводил. Дерг-дерг, дерг-дерг. Бесполезно. Манефе в носу не сидится, спрашивает:

- Чего-йно там случилось?
- Искра пропала. Свечи закидало.

Любовь Михеева родилась и училась в деревнях Архангельской области Мезенского района. Окончила Нарьян-Марское педучилище. Печаталась в журналах «Двина», «Нева», «Алтай».

Она о свечах не дослышала, туга на ухо. Медвежьей силой Бог не обделил, а вот слуха ей пожалел. Приткнула лодку чуток и сама на бережок вышла. Осторожненько так у девчонок спрашивает:

— Вы искру у нас тут не брали?

Девчонки зашли к носу хохота. А Егор аж взбеленился на жену.

— Куда поперлась, дура? Держи нос у лодки, говорю.

Сам злится. Не станешь же прилюдно объяснять бабе необразованной, что искру нельзя своровать. Вот позорище-то!

Манефа в лодку ступила, чинно, важно так, с поднятой головой. Держит нос лодки шестом, как муж приказал, сама же обиду на него затаила, но молчит. А Егор от носа к корме, от кормы к носу носится. То ключи возьмет, то обратно их швырнет с маху. Все никак не успокоится. Покрутит, повертит чего-то там, у головы моторной. Веревочку на маховик наматает и опять дерг-дерг, дерг-дерг. Глухо.

Манефа кричит:

— Сильней дергай. Чего-йно ты эдак-ту мотор-от гладишь? Как на собраниях партийных выступать, сам не свой. Полдеревни тебя слышат. А тут вот чего сделать не может.

И такая ее досада разбирает. Видала же, как мужики мотор заводят. С силой. А у этого словно руки отсохли. Ни живой, ни мертвый. Смотреть тошно. Мотор куплен который год, а все как новенький, только что не облизанный. Куда хранит? Люди вон по второму уж покупают, а то и еще лучше. Из двух выезженных один собирают, потому живут на реке, и по грибы, и по ягоды, и на рыбалку, не жалеют моторов.

— Ты не понимаешь, так молчи, — кипятится Егор. Вывернул он свечи, пошел на гору поменять на сухие. Манефа, не будь душой, и подскочила к мотору, шибко ей приспичило самой проверить, что тут и как. Одного не знала, что мотор на ход поставлен был у Егора. Накрутила она веревку на маховик да как дернет ее со всей своей нерастраченной силушкой. Детей у нее не было, а работу ломала, как орешки щелкала, и усталость не брала. Мотор завелся с пол-оборота. Она не растерялась, за руль ухватилась. И понеслась лодка за реку вместе с Манефой нашей, что стояла в ней задом наперед. Кому смешно стало, а Егору совсем не до смеха. Подскочил он к воде, готов сам следом за лодкой плыть.

— Газу сбавь! — кричит он ей, да, куда там, разве Манефа услышит.

Ткнулась лодка на той стороне в пологий берег, да не просто ткнулась, а пол-лодки залетело на него. И все же повезло Манефе этим, случись яра вместо пологого бережка, страшно и подумать, что бы с Манефой случилось. Выкинуло бы ее из лодки бог знает куда. А так обошлось. И мотор сообразила заглушить. А Егор опять ей аукает за реку:

— Манефа, Манефа, на шестах переталкивайся сюда!

Стащила Манефа лодку на воду, взяла шест, плывет. Течением стащило лодку аж к косяку за школой. Егор по берегу бежит, матерится на жену, однако только для видимости хорохорится перед людьми. Чем ближе Манефа, тем тише Егор. По всему видно, об одном думает, как бы поскорее лодку со своей ненаглядной ухватить. Поймал наконец. Якорь бросил. Манефу на гору чуть не за ручку ведет. Перепугался мужик за жену. А она ему преспокойненько так говорит, что, мол, мотор не имей моды на ходу оставлять. Так и утонуть недолго. И ведь он соглашается с ней.

— Идут, воркуют меж собой. Ну, два голубка, честное слово, — закончила рассказывать Оля.

Посмеялись на берегу:

— Да, учудил Егор! Куда ему до Манефы? Вот из нее моторист бы вышел.

А Оля заспешила по делам на деревню в три ряда, прикипела к ней, и городов не надо. Галдежу тут теперь еще много будет. Запела на ходу:

А деревенька-то наша,
Ой, баска, баска, баска!
Кабы улицы пошире —
Настоящая Москва.

Женщины заоглядывались на нее:

— А говорит, не артистка. Она голос какой!

БОРОЗДА

Солнце припекало не по-весеннему жарко.

В воскресный день народ повалил на поля. Как не причитали старожилы: «Куды заторопились с полями-ти? Не будет вам времени-то. Кто в мерзлу землю картошку пихат? Не отошла ить она. Ишше морозы падут». Их никто не слушал. Стоило одному кому-то пройти по деревне с закинутой лопатой на плечо, остальные же этого как будто только и поджидали, глядячи спозаранку в окна. Редкая женщина в доме не ухитрялась при этом надавить на своих домочадцев. Нахватывая платок на голову, бежала она во двор за лопатами, что стояли в углу с вечера наизготове, не уставая причитать: «Ишь, люди-то уж на ногах давно, уж на работу пошли, а вы все качаетесь, все не выспались».

Вскопать поле труд нелегкий. Особенно тщательно окапывали зарастающие края. Поднимали дерновину, вытряхивали из нее черные плодородные комки почвы, а корни и ветошь откидывали на межу. Из них вырастали целые кучи. Затем стаскивали их в колеи, избороздившие землю, как шрамы, уродующие ее.

* * *

Отошло в прошлое то время, когда земляные наделы в деревне мог обработать один тракторист за вечер. Поначалу событие замены ручного труда на тракторный сильно обнадежило людей. Завздыхали с надеждой, любуясь на гиганта пахаря: «Не все городским влеготку жить», «Чудеса, да и только», «Вот и мы заживем по-человечески с тракторами-то». Недолго порадовались. Захирела земля с годами. И без того скудный почвенный слой северных земель огромными лемехами закапывался куда-то вглубь, а наверх выворачивались тяжелые глины и сыпучие пески. Навоза не жалели, вбухивали его все больше и больше, а проку с этого выходило мало. Не хватало года дождевым червям, чтобы пропустить через себя тонны наваленных отходов, дабы обратить их в гумус. По весне сгнившее и несгнившее снова проваливалось при вспашке под глины и пески, как в ненасытную пасть чудовища.

Если в гости жаловало солнце и приклеивалось в центре небосклона надолго, глинистые поля просто каменели на глазах. Приходилось часами долбить кирками по «камням», чтобы освободить желтоватые ростки картошки, что тянулись к свету. На песках прополка давалась легче, но влага из них улетучивалась молниеносно, и потому ожидаемый урожай подгорал на корню. Вконец разочаровавшимся в достоинствах тракторных плугов людям ничего не оставалось, кроме как вернуться к самой надежной своей помощнице на полях — лопате. Уж она, родимая, никогда не подведет.

* * *

Сегодня работали с азартом, с утра зарядились весенней энергией. То и дело слышался смех. Славка Денисов орудовал лопатой без рубахи. Кто подсмеивался над ним, а кто и глазом косил в его сторону. Ольга Александровна с соседней полосы, до всех ей дело есть, стрекотала без умолку: «Славка, дек, ты, это, не с ума сошел? В мае-то нагишом? Поди оденься. Простыгнешь». А Степаныч, постояв со Славкой за папироской, с прищуром оглядывая его с головы до ног, отходя, бросил мимолетом: «Здоровый жеребец!» Танька Денисова вздумала было обижаться за мужа: «Чего это вы так обзываете?» Да потом дошла своим недалеким умишком: «Молодости Славкиной позавидовал». И, хмыкнув, принялась опять за дела.

А тут, припозднившись, появились на полях братья Александр и Геннадий, плуг опробовать, что прошлым годом подобрали из кучи металлолома за совхозным гаражом. Потихоньку заброшенные плуги исчезали отовсюду, где мозолили людям глаза и своим обреченным видом наводили на грустные размышления. Думали ж, век на тракторах пахать будут. Ан нет, не получилось. Коня Александр с женой вырастили сами с жеребенка. Привелось однажды увидеть Александру, как на конюшне издыхал он с голоду, и сжалось сердце от жалости. Лежал скелет на холодных, сырых навозных подмостках, вытянув шею. Шерсть торчала грязными клочьями, а с половины тела повылезала, образуя безобразные залысины. Под тонкой розовой кожей пульсировала кровь. Побежал тогда Николаевич к управляющему отделением: «Христом-богом прошу, отдайте! Все равно он у вас сдохнет, а я выхожу». Позвал мужиков в помощь себе, и на брезенте перетащили они конька к Николаевичу в хлев. Стоял теперь в упряжке добротный конь черной масти с отливом, невысокий в холке.

Александр разнуздal Грома и кинул ему троху сенца: «Пусть отдохнет перед пахотой». Сам пошел поговорить с теми, кто в три погибели колдовал сейчас над землей, как будто клад искали. Солнце палило нещадно. Но не было охоты никому первым признать за собой, как ему становится невыносимо от земляных работ. Выжидали, сколько сил хватало, не кликнет ли кто: «Айда на перекур!» Вот и привелся им Николаевич, как никогда кстати. Авдей Петрович, вечный весельчак, подскочил первым:

- Ага, с плугом вы нынче, ребята? Хе-хе-хе. Дек, а может, опосля и мне вспашете?
- Велико ли у тебя поле-то, Авдей? — подхватила Ольга Александровна. — На пару с женой докопаете. Бат бы ты мне сей год пропахал на кони, Саша?
- Ага, заприбеднялась, — не унимался Авдей, — на тебе на самой ишке пахать можно, молодка. Хе-хе-хе.
- А почто ты эдак-ту, Авдей? Женочку-ту свою жалешь небось. Все вона с мужиками робят, а я каждой год одна. Отколь у меня силы-ти?
- Ни-и-чего обещать не буду. Сам не знаю, как пойдет. — отмахивался от них Николаевич, заспешив в дальний угол на полях к Левашовым.

* * *

А по горке тем временем шла Афанасия Герасимовна. Не терпелось ей взглянуть, как там сыновья управляют с плугом на полях. Остановилась, залюбовалась на травку молодую, что зеленым махровым ковром за несколько дней накрыла прибрежный луг. Редкие цветки желтыми пуговками поглядывали с него. И вода на курье играла с солнечными лучиками, будто купец пересыпал с ладони на ладонь золотые монеты.

— Эх-хма-хма, — сокрушалась Афанасия Герасимовна вслух сама с собой, всей грудью вдыхая травяной аромат, — люди робят, а я едва бреду, — и, тяжело налегая на высокий батог, вышагивала дальше.

Зычный требовательный окрик Геннадия заставил оглянуться Николаевича туда, где он оставил брата с лошадей. Геннадий ставил плуг и Грома успел зауздать. «Куда его так вздернуло?» — на ходу думал Николаевич, направляясь к брату. И только сейчас он заметил белеющий вдалеке платок матери. Поверх недлинного платья заалел бесшумный ее цветастый фартук, что любила она надевать с утра раннего, только поднышась. Своя сшитая бумага синяя жакетка вровень по размеру облегла ее широкие, неженственные плечи. Прибавил шагу и Александр, направляясь к брату. Четвертый десяток шел мужику, а материнского слова все побаивался.

Александр быстро встал за плуг. Геннадий понукал коня, покачивая вожжами:

— Ну! Пошел! — и, как заведенный, без всякой надобности прищипывал на Грома потом, причмокивая губами.

От неожиданности Гром рванул вправо, влево, и только когда отошел на метр, а то и два, плуг врезался в почву. Николаевич нервничал. Если наклонялся к плугу ниже и с большей силой давил на него, Гром начинал идти совсем медленно, оттого что плуг погружался в почву глубоко. Если же ослаблял силу давления, Гром ускорял шаг настолько, что Николаевич едва поспевал за ним. Да и шел конь рывками, будто надеясь при каждом таком рывке выхватить плуг из земли, освободиться от него.

Афанасия Герасимовна стояла уже на окраине поля. Прикрыв рукой глаза от яркого солнца, неодобрительно смотрела она на сыновей. И взгляд материнский прожигал спину Николаевича, как головню под рубаху кто сунул. Понимал, что пахота сегодняшняя не могла ей понравиться. Борозда получалась совсем никудашной.

— Куда ты выдынашь лемех-от, сам не дошел и полосу ишше? Эдак-ту давишь на плуг, что и лошадь идти не может, — гремела мать на Александра, не стесняясь посторонних ушей. Александр отмалчивался, уставившись в землю, готовый провалиться сквозь нее. Геннадий же бросал невинные взгляды то на мать, то на брата. Его вины в плохой вспашке поля не было, но и заслуг в этом самом деле не наблюдалось. Развернувшись неуклюже, пошли они новую борозду. Николаевич весь напрягся над плугом, но получалось снова не в попадая, то вкривь, то вкось. Борозда не подчинялась им, гуляла по сторонам. Он уже понимал, что золотую серединку угадать у него не получится. «Нет, — успевал думать Николаевич, — никак не получится, хоть сто потов пролей. Что толку суетиться?» Понимал, что и исправить было теперь уж ничего нельзя.

Афанасия Герасимовна кричала ему, размахивая в воздухе своим батогом:

— Не наклоняйся над плугом-то, Сашка! Иди прямо, и коню легче будет!

— Не заваливай плуг набок. Да не так же! — вырывалось у нее с досадой от того, что слова ее пусты, бесполезны, не понимаются они сыном, как бы ей хотелось.

Люди на полях притихли. Ни смешка, ни хохотка было не слышать, будто и над их головами свистел батог Афанасии Герасимовны, будто и их она сейчас отчитывала за неумение.

А Афанасия Герасимовна, решив, что словами не научишь, поставила батог об ограду и стала полегоньку готовиться, чтобы самой встать за плуг на третий зачин по возвращении сыновей.

«Не бывал плуг-от у ребят в руках. Отколь им знать, как пахать. А я, баты, не все ишше забыла. Ох, и попахали мы ране с женками. Николай-от, беда, дома один оставлен. Ну, дек уж полчаса-то как ли подождет», — подумалось ей и о муже в эту минуту. Сколько лет с войны прошло, а раны у него словно сильнее болеть стали. Подкралась старость, и долгими ночами слышала она, как Николай стонет. Аукается война, вытягивает остатки сил и терпения. Уж побил его на фронте. Надо думать, каково ему сейчас.

Дойдя борозду, Александр не оправдываясь, а с заметной капелькой отчаяния в голосе сказал то ли матери, то ли сам себе:

— Не умеют наши кони в плуге-то ходить. Ну, откуда им уметь, ты мне скажи?

Осенили слова матери, сказанные с сочувствием:

— Не в кони дело-то, парень.

Она проверила упряжь у Грома, подтянула ее, где надо, как заправский, знающий свое дело конюх. С силой растерла спину коня сеном, приговаривая:

— Устал Громушко-то у меня. Устал мой мальчик.

Тот зафыркал от удовольствия, кося на Афанасию Герасимовну карим глазом растерянно, с жалобной искоркой недоверия. «И чего это хотят от меня сегодня, не пойму. Да вы только скажите, я все сделаю».

Афанасия Герасимовна наклонилась над лемехами, провела рукой по острию ножа, убирая глинистые комки с корешками:

— Ну, давай, Гром, потихоньку начнем, — разгибаясь, опять обратилась к коню. Опрокинула плуг прямо, под уздцы подвела Грома к полю, поприменялась еще, взявшись за ручки, попримерялась, шепча про себя никому не слышные слова, перекрестилась, расправила плечи и, глянув на Геннадия, придерживающего коня вожжами и готового сорваться с места в любую секунду, когда мать подаст знак, сказала:

— Пошел, милый, — и не совсем понятно было, к кому обратилась она — к коню или к сыну. Оба, видимо, приняли ее слова на свой счет. Гром без понуканий тронулся с места. Геннадий держал вожжи на весу, не натягивая их, чтобы придержать коня, и не подхлестывая его. Ни в том, ни в другом надобности не было. Гром шел ровно. Плуг врезался в землю, как нож в масло. Пласты отрезанной почвы красивым рулоном укладывались к предыдущей борозде, выравнивая ее, сглаживая огрехи той.

— Добро, добро, Гром. — подбадривала Афанасия Герасимовна усердного коня. Изогнув шею дугой, он шел без надрыва, под ласкающий слух голос, придающий ему уверенности.

А сыновья просто не узнавали теперь в этой высокой, статной женщине свою мать. Куда подевалась ее многолетняя усталость? Не она ли жаловалась по утрам, что скрутила ее больная поясница, что клонит она ее к земле, хоть с двумя палками ходи по деревне. Без опоры на них горбилась, и не первый год.

Раскрасневшаяся, с озорным огоньком в глазах, успевая то и дело смахивать пот со лба, нарезала она борозду. Дойдя до противоположного края поля, остановила Грома, плуг на меже свернула набок.

— Отдохни, Громушко. Сашка, дек ты чего-йно там стоишь-то? Возьми грабли-то да срывай навоз-от в борозду. Эвон у вас он весь наверху осталсе. Вот, паре, бедата ведь.

Николаевич словно встрепыхнулся от своих раздумий. Обрадовался, что и для него наконец дело нашлось. «А то ведь стою тут истуканом. От людей стыдно». Грабелки в руки, и бежать вдоль пропаханной полосы. Слилс с работающим народом. И видел сейчас Александр со стороны как у матери мастерски пройдено плугом до самого края поля, как ловко плуг, тык-впритык, выхвачен был из земли. И на межу не зайдено, и край поля окапывать не надо. «Да, а нам-то с Геннадием надо будет вечерком сюда сходить да прокопать лопатой все, где пропустили. Сходим». — обещал он себе, разгоревшийся в желании исправить пробелы в работе.

Афанасия Герасимовна с Геннадием возвращались обратно. Александр попевал за ними с граблями. Примечал, с какой силой мать держит ручки плуга, да на каком расстоянии от пройденной борозды идет, да как спину держит. Работали молча, слаженно.

Заворачиваясь еще на один круг, Афанасия Герасимовна сказала:

— Ну, ребята, ишше борозду пройду, да домой нать идти. Где у нас отец-от потерял меня, видно.

Афанасия Герасимовна разошлась в работе. Сначала вертелось еще в голове: «А ну как не получится? Сорок лет как за плугом-то уж не стояла. Насмешу, однако, людей-то». Отлегло на душе, как вышло у нее не худо с пахотой. Шла бодрым шагом и не замечала, что и люди диву даются. То один спину разогнет и застынет с открытым ртом. То другой тихонько скажет: «Во как пахать-то надо, оказывается. Смотрите». И сам, засмотревшись, забудет о своем, пока жена не подоткнет: «Работать-то думаешь, нет?»

Вторая борозда Афанасии Герасимовны скрасила поле настолько, что приятно было и глаз положить на него и знатоку, и новичку землепашцу. Усматривался в нем давний, укоренившийся навык умелых рук этой женщины, орудовавшей сегодня на земле плугом так, будто и не было позади сорока лет. Некогда было им, молодухам, неуме-хами быть тогда. Война срок отпускала короткий.

Уходя с поля, сказала старшему Александру:

— Не робей, выйдет. Да с конем-то поласковой, ребята.

Оглянулась на сыновей, отойдя недалече. Сердце томилось. Сказать-то легко — выйдет. А, как нет? Посмотрела сыновьям в спину, удалялись от нее они спокойным, размеренным шагом. И Гром принаравливался к ним, словно приспособливался, чутко отзываясь на каждое движение рук Геннадия. Будто в одной упряжке шли все втроем. Подумала, заворачиваясь в домашнюю сторону, теперь бесповоротно: «Ой-е-ей, времена-то идут худы. Ничего, справятся». И вера успокаивала ее, гасила всплывающие сомнения, тревоги.

Земляной дух дурманил головы, будил желания в людях переделать еще кучу незревающих впереди крестьянских дел в хозяйстве, как закончится посевная. Лето — пора горячая и самая трудовая. Иному и передохнуть некогда, коли кто предстоящий год жить хотел бы хорошо. Солнечные дни, раннее тепло вселяли надежду на ожидаемые добрые урожаи.